

УДК 325.1:327.83:321.011:321.013
DOI: 10.17506/18179568_2025_22_2_10

ДИАСПОРАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПРАВОВОЙ СТАТУС, СУБЪЕКТНОСТЬ

Панкевич Наталья Владимировна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
n.pankevich@yandex.ru

Получена 11.01.2025.

Поступила после рецензирования 25.02.2025.

Принята к публикации 13.04.2025.

Для цитирования: Панкевич Н.В. Диаспоральные сообщества в политическом процессе: идентичность, правовой статус, субъектность // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 2. С. 10–28. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_2_10

Аннотация

Представленная статья посвящена исследованию становления политической субъектности диаспоральных сообществ как групп, чья двойственная идентичность по отношению к принимающим и материнским сообществам позволяет им реализовать целый ряд политических стратегий. Данная проблематика в настоящий момент особенно значима для Российской Федерации, поскольку страна испытывает сегодня значимый миграционный приток и одновременно является материнским государством для крупных сообществ соотечественников за рубежом. В этих условиях учет опыта эволюции политического статуса в зарубежных странах позволяет оценить перспективные проблемы, связанные с накоплением иностранных контингентов в составе сообщества и обозначить механизмы их купирования. На современном этапе эволюция диаспоральных групп способствует углублению «конституционной дилеммы политического самоопределения» в современных сложных обществах, отличающихся высоким потенциалом социального разнообразия. В рамках статьи

© Панкевич Н.В., 2025

выявляется потенциал трансформирующего действия в отношении политического пространства принимающих и материнских сообществ, связанный с формированием нерегулярного формата политического сообщества, тяготеющего одновременно к двум или нескольким политиям. Выявляются ресурсы политического и правового характера, которые способствуют становлению диаспор как значимого участника политического процесса в экстратерриториальном пространстве. Выявляется репертуар их политической активности на современном этапе, что позволяет сделать вывод о выходе данных сообществ из числа маргинальных участников и трансформации в значимый субъект внутренней и международной политики. Показано, что политическая субъектность диаспоральных сообществ проблематизирует интегральные компоненты, в осмыслении которых формируются идентичности как принимающих, так и материнских сообществ. Особо исследован конфликт идентитарного и правового статуса участников диаспоральных сообществ, связанный с приобретением гражданства принимающего сообщества и сохранением идентичности материнского.

Ключевые слова:

экстратерриториальные сообщества, диаспора, соотечественники за рубежом, государственный суверенитет, политическая субъектность, гражданство, идентичность

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427>

UDC 325.1:327.83:321.011:321.013
DOI: 10.17506/18179568_2025_22_2_10

DIASPORIC COMMUNITIES IN THE POLITICAL PROCESS: IDENTITY, LEGAL STATUS, AND SUBJECTIVE AGENCY

Natalia V. Pankevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
n.pankevich@yandex.ru

Received 11.01.2025.

Revised 25.02.2025.

Accepted 13.04.2025.

For citation: Pankevich, N.V. (2025). Diasporic Communities in the Political Process: Identity, Legal Status, and Subjective Agency. *Discourse-P*, 22(2), 10–28. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_2_10

Abstract

The article examines the political subjectivity in diasporic communities. These groups possess dual identity – toward both host and homeland societies – enabling them to employ diverse political strategies. This issue holds particular significance for the Russian Federation, which currently faces substantial immigration inflows while serving as the homeland for large communities of compatriots abroad. The evolution of diaspora political status in foreign states helps anticipate challenges arising from the integration of migrant populations and identify mechanisms for their relief. At the present stage, diaspora dynamics intensify the “constitutional dilemma of political self-determination” in modern complex societies marked by high social diversity. The article assesses the transformative potential of diasporas in shaping the political spaces of both host and home countries, particularly through the emergence of irregular political communities that fluctuate between two or more policies. Additionally, it identifies political and legal resources that enable diasporas to become influential actors extraterritorial in the political processes. By analyzing contemporary repertoires of diaspora political engagement, the study concludes that these communities are transitioning from marginal participants into significant actors in domestic and international politics. Furthermore, the political subjectivity of diasporas problematizes core components of identity formation for both host and homeland societies. Special attention is given to the conflict between identity and legal status among diaspora members, particularly concerning host-country citizenship acquisition while maintaining homeland cultural affiliation.

Keywords:

extraterritorial communities, diaspora, compatriots abroad, state sovereignty, political subjectivity, citizenship, identity

Funding:

The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) through grant No. 23–18–00427. For more information, please visit the RSF project page <https://rscf.ru/project/23-18-00427>

Введение

Становление новых форм коллективной субъектности на макроуровне политической системы сегодня напрямую связано с расширением возможностей социального действия в разомкнутой географии большого пространства, где человеческие общности намеренно или вынужденно покидают выкроенные государствами ниши социального воспроизводства, не теряя при этом своей начальной идентичности и не растворяясь в составе принимающих сообществ. В этих условиях особую значимость приобретают сообщества соотечественников. Идентичность подобных сообществ определяется их инаковостью на фоне принимающего сообщества и локализацией за пределами границ материнской политики.

Первоначально оппозиция к двум основополагающим для современности принципам структурирования социума через территориальную определенность и культурную однородность нации-государства предполагает их существование в качестве маргинальных, слабых в политическом отношении коллективностей. Они открыты для дискриминационных практик в принимающем сообществе и лишены эффективного покровительства со стороны материнского государства (Fernández, Abbiate, 2018, p. 444–460). Однако эволюционный путь, который преодолели подобные сообщества, открывает возможность качественного скачка их политической субъектности. Представления об этих группах как исключенных из политической коммуникации в силу дефицита правового статуса, связанного с гражданством, низкого уровня социальной компетентности, риска подвергнуться дискриминационным практикам, постепенно вытесняются новым видением места и роли мигрантских общностей в социальном и политическом процессе (Smith, Waite, 2019).

Двойственная принадлежность делает указанные группы перспективным субъектом, способным к экстратерриториальным стратегиям с выраженным потенциалом трансформации пространственного определения политического действия и его характера. Пребывая в составе принимающих сообществ, становясь (или не становясь) их частью, такие общности приобретают возможности влияния и прямого участия во внутренней политике стран пребывания. Сама демографическая масса, накопленная в отдельных социальных и пространственных локусах, предоставляет подобным контингентам шанс на обретение де-факто субъектности даже в отсутствие де-юре ресурсов для участия в регулярном политическом процессе. Обретение же искомого правового статуса отнюдь не обязательно вырывает их из орбиты притяжения материнских политий и не создает однозначных связей лояльности и верности принимающему сообществу.

Одновременно, оставаясь важными сегментами материнских социумов, диаспоральные группы выполняют целый ряд значимых для страновых сообществ задач, действуя за пределами дипломатии и стандартных методов межгосударственной коммуникации. При этом способность групп к выработке собственных стратегий не позволяет более квалифицировать их стандартным образом – лишь как проводника интересов и ценностей материнского государства в пространстве принимающей политики (Карсанова, Гуршумов, 2020). Ассоциированные с материнским государством зарубежные сегменты могут заявлять собственное видение перспективы обществ, которые они покинули.

Накопление «иностранных» контингентов ставит перед вовлеченными странами на обоих полюсах миграционного потока серьезные проблемы переосмысления сути социального единства и состава политического сообщества под эгидой государства, определения правового статуса возникающих в структуре сообщества инородных включений, удержания связности зарубежных сегментов с материнскими политиями. В конечном счете, в субъектном измерении речь идет о проблеме позитивного согласования национально-государственного и экстратерриториального компонентов идентичности сообществ, оперирующих в мире, разделенном государственными юрисдикциями. В институциональном измерении – о становлении форматов общности, солидарности и идентичности, альтернативных интровертированной суверенной государственности.

Описанные тенденции требуют анализа места и роли диаспоральных сообществ во взаимосвязи с материнскими и принимающими сообществами, оценки не только их ситуативного влияния как триггера социальной напряженности, но и долгосрочных структурных эффектов, которые способствуют изменению организационной основы взаимодействия между государствами. Необходимо выявление ресурсов, которые делают эти группы способными к трансформации идентитарного профиля политического пространства во внешнем и внутреннем измерении (Артеев, 2020).

Коллективная субъектность в частично мобильном социуме

Становление под эгидами государств акторов, способных к экстратерриториальному политическому действию, может быть ассоциировано с различными сценариями¹, но в первую очередь с – миграционными процессами. Совокупно в годовом измерении трансграничное миграционное движение аккумулирует сегодня около 3,6% населения Земли. Стабильность этого показателя на длительном временном отрезке², опривычивание трансграничного течения сегодня часто рассматриваются как симптом сравнительно малой значимости миграций как фактора трансформации мировой системы и национально-территориального характера идентичности ее субъектов³. Поскольку абсолютное большинство жителей планеты по-прежнему реализует свои жизненные приоритеты в рамках единственной юрисдикции, возникает представление о том, что миграции выполняют прежде всего корректирующую функцию. Они обеспечивают эффект перелива блага из более обеспеченных в менее благополучные регионы посредством частных каналов и механизмов за пределами правительственных аппаратов.

¹ Крупнейшим среди них является изменение территориального состава того или иного государства.

² International Organization for Migration (IOM) (2024). *World Migration Report 2024*. Geneva. P. 8. Retrieved 21 July, 2024, from https://securesustain.org/wp-content/uploads/2024/11/World-Migration-Report-2024-OIM_compressed.pdf

³ Ibid. P. 19.

Одновременно предполагается, что государства способны в полной мере адаптироваться к реалиям частично мобильного социума через классические правовые механизмы, связанные с эксклюзивной территориальностью этого института (Reese, Johnson, 2016). Среди них – контроль над пересечением границ, определение условий пребывания иностранцев на территории государства, их прав и обязанностей в рамках стандартных для этой категории режимов. В этой оптике движение даже крупных чужеродных масс в составе политики временно и не оставляет глубоких следов, хотя и является стрессовым фактором для определенных структур, прежде всего силового комплекса. И поскольку миграционная активность реализуется преимущественно как вариант частной стратегии, она не затрагивает институциональный комплекс государственного суверенитета.

Представляется, что оценка трансформирующего потенциала трансграничных перемещений исходя из представления о незначительности доли мигрантов в совокупном населении планеты далека от объективности. Действительно, совокупный мигрантский контингент вряд ли возможно рассматривать в качестве согласованной социальной группы, связанной общей идентичностью, стратегией и интересом, способной к направленному политическому действию. Трансграничное движение вовлекает людей по самым различным причинам, номенклатура которых постоянно расширяется. Достаточно сложно дать однозначную оценку и фоновым факторам, которые предрасполагают людей к реализации своих жизненных стратегий вдали от родины. Трудовая миграция свидетельствует о прогрессирующем отделении производительной способности индивида от его связи с государством и возрастающую степень индивидуальной автономии конфликтов, природных и климатических катастроф, очевидно, является антиподом этой тенденции. Челночная миграция в цикле выезда/возвращения на родину, в то время как вынужденное переселение и беженство из зон военных радикально отлична от стратегий, целью которых является укоренение на новом месте; стратегии высококвалифицированных специалистов не сопоставимы с практиками массовой рабочей силы, нацеленной на заполнение ниш с трудоемкими и непривлекательными обязанностями. Совместно подобные факторы формируют предельно аморфную социальность, крайне далекую от согласованной политической субъектности.

Однако социальный профиль совокупного мигрантского населения остается рыхлым и объединен в основном самим фактом трансграничного движения, чего нельзя сказать об отдельных течениях в его составе. Миграционные потоки разнонаправлены и распределены крайне неравномерно, связывая своеобразными коридорами конкретные корреспондирующие пространства. Перемещение людей в рамках этих коридоров в значительной мере институционализировано и теряет характер сугубо частных инициатив отдельных лиц или семей, стремящихся к улучшению своего материального положения, социального статуса или к избавлению от витальных рисков. Движение, инициированное спонтанными факторами, превращается в упорядоченный трафик, течение которого планируется целевым образом, нередко нелегальными методами (Åkesson, Maybritt Alpes, 2019). Возникновение организованных структур в этом секторе уже само по себе является крупным вызовом государственности, поскольку ставит под вопрос и способность контроля над границами, и эффективность монополии на силовые ресурсы.

Накопление и институционализация трансграничных факторов

Сложившаяся ситуация означает, что «моментальный снимок» состояния, которое представлено показателем числа людей, актуально находящихся в движении, не позволяет оценить глубину изменений, связанных с накоплением трансграничного компонента человеческой активности в определенных локусах территориальной структуры мира. Возрастание трансформирующего потенциала связано не с движением как таковым, но с качественными скачками, которые происходят со статусом членов мигрантских коллективов в составе принимающих сообществ. Крупнейшими из них становятся, во-первых, приобретение их участниками неограниченного во времени права на поселение. С этим статусом, как правило, ассоциировано право на воссоединение с семьей, понимаемой в ряде случаев достаточно широко, что способствует количественному росту численности привнесенных сообществ. И во-вторых, приобретение права на прием в гражданство, которое наделяет членов сообщества способностью к представительству во всех репрезентативных органах и открывает доступ к публичным должностям на равных с коренным населением.

Процесс правовой интеграции группы в состав принимающего сообщества может быть значительно растянут во времени в связи с тем, что формирование коллективного субъекта зависит от накопления согласованных результатов индивидуальных успехов. Стандартный процесс укоренения диаспоры в пространстве политики напоминает своеобразную воронку, когда число вновь прибывших превышает число закрепившихся, а это число, в свою очередь, превышает число принятых в гражданство. При этом государства отнюдь не демонстрируют готовность автоматически считать инициативу прибывшего достаточной причиной для приема в гражданство. В отдельных странах момент приобретения полноправия может отстоять от момента прибытия на десятилетия и требовать соответствие заявителя достаточно объемному списку требований в отношении владения государственным языком социального и имущественного статуса. Законодательство может устанавливать необходимость поручительства со стороны коренных граждан и другие условия приема, которые способствуют вовлечению местных сообществ в принятие решений о перспективах мигрантов (Weil, 2010).

Тем не менее, последовательное коллективное преодоление обоих барьеров имеет тенденцию к расширению и определяет успешность перехода сообществ из статуса временных в категорию оседлых сегментов принимающих сообществ, обладающих наряду с необходимым правовым статусом и политическим полноправием, выраженной инаковой идентичностью и способностью к действию в трансграничном режиме. Данная способность многократно усиливается, если прием в гражданство принимающего государства допускает возможность сохранения гражданства государства исхода (Just, Anderson, 2012).

Сегодня объем стабильно пребывающих в новом государстве привнесенных миграцией включений особенно значим в численно небольших политиях. Здесь накопленная демографическая масса, связанная с иностранным происхождением (*foreign-born*), может быть весьма заметна и достигать доли свыше половины коренного населения. К примеру, европейский лидер – Люксембург – накапливает долю постоянного населения иностранного происхождения в 50,4 % (из них

17,2% из стран за пределами ЕС). Но и в крупных странах объем подобных контингентов даже с учетом внутренней дифференциации представляется значимым: современная Германия – 19,5%, Франция – 13,1% в составе постоянного населения⁴. При этом важно, что миграционный приток распределяется неравномерно по отношению к материнским государствам. Это означает, что в пространство политики попадают контингенты, обладающие сходной идентичностью. Также территориализация прибывающих оказывает явное предпочтение крупным населенным пунктам, что формирует крайне напряженные локусы, эксклавы из регулярного пространства, где значимую часть или даже большинство населения составляют некоренные контингенты.

Следует учитывать, что влияние групп, связанных с иностранным происхождением, прослеживается не только в текущем изменении структуры населения принимающих государств в разрезе расово-этнического, религиозного и языкового состава. Оно формирует отложенную проблему изменения качественной структуры общества: медианный возраст иностранного населения обычно существенно ниже, чем возраст коренного. Так, сегодня в странах ЕС это расхождение составляет около десяти лет⁵. И уже на этом горизонте очевиден тот потенциал изменений, который кодирует оседание привнесенных миграционным потоком сегментов в культурно-демографический профиль страны в условиях, когда иностранные контингенты объемно увеличиваются в результате новых прибытий и новых рождений, становятся оседлыми и вместе с тем поступательно приобретают правовое, социальное и политическое полноправие.

Диаспоры в принимающем сообществе: конфликт равноправия и идентичности

Собственно, с точки зрения принципов формирования политического общества под эгидой государства, происходит последовательная конвертация статуса, конечным итогом которой является приобретение гражданства и является абсолютно нормативным итогом постепенной социализации и интеграции мигранта в социальное целое принимающего сообщества. Нормативное ожидание состоит в том, что в ходе плавного длительного процесса индивид приобретает соответствующую месту идентичность, интериоризирует ее принципы, ценности и нормы, и в этом смысле становится неотличим от остальных участников принимающего сообщества.

Однако масштабирование миграционного притока фактически делает подобный сценарий неосуществимым. В этом процессе вполне обычным становится эффект замещения принимающего государства и сообщества под его эгидой принципиально иным субъектом. Им становится не страновой социум, не нация, не народ и не демос, а сама диаспора. Она становится интегратором,

⁴ Eurostat (2024). *Migration and migrant population statistics*. March 2024. Retrieved 15 November, 2024, from https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics#Migrant_population:_27.3_million_non-EU_citizens_living_in_the_EU_on_1_January_2023

⁵ Ibid.

вокруг которого конденсируется социальность, участники которой соответствуют заранее установленным, востребованным именно этой общностью качествам и квалификациям.

Сообщество соотечественников оказывается центром реализации специфически институционализированных вне государства стратегий прибывающих контингентов и приобретателем их лояльности. Зачастую именно диаспора выступает инициатором притока новых участников, определяет персональный состав прибывающих, становится гарантом их благ и субъектом, определяющим круг обязанностей каждого участника. Причем значительная часть этих обязательств локализуется в стране исхода и реализуется *in absentia* – в удаленном режиме как часть обязательств перед местными сообществами в рамках обычного права, религиозными общинами или как часть обязательств в рамках расширенных семейно-родственных систем (Duquette-Rury, 2020, p. 53). Выполнение таких обязательств является условием членства в сообществе и открывает доступ к циркулирующим в нем ресурсам – финансовой помощи, займам, социальной поддержке со стороны соотечественников.

Стабилизация привнесенных контингентов в новом гражданском качестве означает, что контроль над миграцией, который традиционно описывается логикой секьюритизации, основанной на реализации государствами функции контроля над границами и доступом к территории страны – правом на въезд, пребывание, поселение и ассоциированные с ними правами на занятость и социальную защиту, перестает выполнять свою ограждающую функцию. В силу тех же обстоятельств теряет эффективность административный контроль над действиями пребывающих в пространстве политики. Тяжесть проблемы состоит уже не в вопросе об обеспечении легальности миграции и обеспечения соблюдения законности конкретными мигрантами. Учет, наблюдение, фиксация нарушений, наказание, включая лишение доступа к территории страны и другие техники принуждения, обращенные к временно пребывающим контингентам, неприменимы к гражданам, сколь бы выраженными ни были их внесоциетальная лояльность и идентичность.

Данное направление в эволюции субъектности диаспоральных включений сегодня важно именно в структурном отношении, поскольку ведет к становлению в пространстве принимающих государств включений, которые функционируют в качестве медиатора индивидуальных отношений прибывающих с коллективным целым принимающего сообщества и его системой управления. Значимость этого развития состоит не только в том, что ведет к углублению в составе принимающего социума разломов (кливажей) этно-культурного плана (Семененко и др., 2021).

Для диаспоральных сообществ характерны особые техники солидаризации участников, которые объединяют их внутри сообщества знакомством, родством и свойством, создают обременительные хозяйственные зависимости между ними, вменяют обязательства и гарантируют их выполнение. Важно, что данный тип коллективности не ориентирован на эгалитарные форматы участия и членства. В диаспоральных сообществах реализуется неравномерное распределение социального веса участников (Duquette-Rury, 2020), возникают глубокие иерархии, которые ведут к выделению страты особых представителей для коммуникации с органами управления, организациями и коренным населением.

Очевидно, что в этом случае политическое пространство политики теряет свою глубину, прерываясь на уровне коммуникации с медиатором коллективных интересов и не доходя до уровня их непосредственных носителей. При этом указанные коллективности демонстрируют устойчивую способность контролировать индивидуальную политическую активность своих членов, санкционировать их участие и неучастие и их формы, определять предпочтения и конкретные избирательные решения, осуществлять предписанные лидерами сообщества акции, в том числе с высоким потенциалом насильственных действий. Самостоятельная активность и принятие решений для рядового члена оказываются заблокированы лояльностью по отношению к группе.

Представляется, что именно этим объясняется тот факт, что приобретение гражданства в принимающем государстве становится фактором зримого увеличения в первую очередь неконвенциональной политической активности новых граждан из числа мигрантов, особенно если страна происхождения характеризуется авторитарным режимом (Just, Anderson, 2012). Однако связано это отнюдь не с дефицитом правового статуса, который закрывает мигранту возможность влияния на решения, затрагивающие его жизненные интересы, и оставляет в арсенале лишь манифестные формы защиты своих позиций. Такое объяснение было чрезвычайно распространено в течение длительного периода, но сегодняшняя ситуация иная.

Приобретение статуса гражданина создает нерушимость обязательств правового государства по отношению к индивиду, гарантированность прав и свобод, принятых в политике, неприкосновенность индивидуальной автономии. Однако в этой корреспонденции место гражданина замещается иным субъектом. Дело даже не в том, что место квалифицированного избирателя занимает мотивированный протестант. Отличие от регулярной политической активности, которая может включать, в том числе, и протест, заключается в зависимом характере и фактической невозможности уклонения членов диаспоры от участия. Прикрепленность индивида к сегменту, который замыкает на себя жизненные перспективы своих членов, фактическая личная зависимость делают его дисциплинированным исполнителем коллективных стратегий. Правовая защищенность от различных видов государственного принуждения, которое может применяться к временному населению, и прежде всего от высылки за пределы государства и применения запрета на въезд в будущем, минимизируют риски подобной активности.

На фоне конфликта генерализованной и групповой лояльностей конституционные свободы оказываются адресованы не гражданину, а коллективному субъекту, субординирующего гражданскую функцию своих членов. Контакт новых граждан с принимающей политикой осуществляется через опосредующие центры, статус которых не поддается однозначному определению ни в правовом, ни в политическом отношении. Подобное включение создает ситуацию, где участники диаспоры, даже обладая необходимым правовым статусом, изолированы от участия в политическом процессе. В этом случае структура государствообразующего сообщества в политическом отношении теряет свой регулярный характер. С определенного момента политический класс представлен, с одной стороны, индивидами, напрямую включенными в состав сообщества-нации, сообщества-демоса, и с другой —

привнесенными коллективностями, чье включение в политическую коммуникацию весьма своеобразно и в целом воспроизводит домодерные практики.

Участия диаспор в политическом процессе принимающих государств: европейский опыт

Очевидно, подобный исход фатален для республиканской модели гражданства, основанной на индивидуальном, независимом, равном участии граждан в реализации политической власти. Он свидетельствует о становлении субъекта, который способен инструментализировать ключевые параметры политического процесса в принимающем государстве и на этой основе осуществлять своего рода колонизацию институтов представительства.

Сегодня эта способность приобретает определенность в целом ряде тенденций. Среди них заметен глобальный тренд, свидетельствующий о кооптации диаспоральных элит действующими политическими партиями, нацеленными на приобретение дисциплинированных масс избирателей, а также рекрутирование лидеров диаспор на ключевые посты в органах исполнительной власти (см. напр.: Новиков, 2020). Омассовление таких включений открывает возможности для переориентации работы парламентско-исполнительной диады на приоритеты диаспоральных сообществ, в том числе лежащие за пределами политики. Очевидно, что скандальное чествование в канадском парламенте ветеранов националистических сил прямо увязано с ростом влияния в этой стране укорененной, политически активной украинской диаспоры и персональным вхождением их участников в структуру канадского парламента, центрального и ряда региональных правительств, министерства иностранных дел и т. д.

Еще более значимы симптомы качественного скачка в политическом развитии диаспоральных включений, свидетельствующие о том, что сегодня они способны к формированию собственных партий, нацеленных на интеграцию во власть и представительство специфических для диаспор повесток. Такие включения выделяются на фоне других политических организаций своим этническим профилем или религиозной ориентацией. Формирование этнопартий в принципе не является абсолютно новым явлением в европейской политике. Их формирование вызвано существованием оседлых сегментов соотечественников в результате территориальных переделов (например, венгров в Румынии). Но появление первых собственно мигрантских партий становится важным эволюционным достижением.

Причем сегодня в политиях, где накопленная диаспорами гражданская масса позволяет самостоятельно выйти на электоральное поле, подобные проекты действительно достигают заявленных целей. В качестве примера показателен успех в нидерландской избирательной политике партии DENK, образованной в 2014 г. членами парламента турецкого происхождения. Хотя политическая платформа партии изначально была сформулирована широко и имела в фокусе все мигрантское население страны, социальную основу этого актора составила турецкая диаспора. Уже в 2017 г. партия получила три места в национальном парламенте и повторила это достижение в двух последующих голосованиях. Также ей удалось провести собственного кандидата в Европейский парламент

и занять места в ряде муниципалитетов. Последнее возможно в силу того, что с 1985 г. законодательство страны позволяет участие в местных выборах иностранцам, прожившим в стране на законных основаниях не менее пяти лет безотносительно гражданского статуса.

Успех, беспрецедентный для новой партии, основанной политиками мигрантского происхождения, стал ориентиром для сопоставимых стратегий других диаспоральных сообществ. Политическим представителем африканской диаспоры в Нидерландах стала основанная в 2016 г. партия BIJ1, которой также удалось получить место в национальном парламенте на выборах 2021 г. На исламский электорат страны был нацелен политический проект NIDA, который имел успех на муниципальных выборах и сегодня трансформировался в общественное движение. Современный электоральный ландшафт Швеции также пополнился новым игроком, представляющим диаспоральные группы – *Partiet Nyans*, которая на национальных выборах 2022 г. показала лучший результат среди не прошедших в парламент партий и провела ряд представителей в местные органы управления. Основу его электората составляют боснийские мусульмане.

Естественно, успехи новых игроков в настоящее время неустойчивы и не могут вылиться в полномасштабное представительство диаспор на национальном уровне большинства государств. Репутацию таких организаций компрометируют свойственные диаспорам специфические культурные и организационные практики⁶. Однако само появление подобных свидетельств говорит о том, что «иностраннный» компонент современных политий обретает политические мускулы и в перспективе может наращивать свой потенциал. В этом смысле современная ситуация характеризуется принципиальной новизной по отношению к периоду, когда мигрантские группы рассматривались как парии избирательного процесса, участие которых потенциально опасно для общественного единства (Tillie et al., 2000).

Экстратерриториальные стратегии диаспоральных сообществ

Одновременно, такой успех показывает, что длительные усилия, масштабные государственные программы, направленные на интеграцию мигрантов через языковые и образовательные программы, показывают в лучшем случае умеренную эффективность. Принимающее сообщество, как правило, оказывается куда менее инклюзивно, чем принято утверждать в рамках политических программ, а диаспоры куда более успешны в сохранении своего идентитарного ресурса, используя гражданское полноправие как механизм его защиты. Неслучайно политические программы подобных партий включают объемные блоки относительно представленности языков диаспор в образовании, секторах, связанных с социальным обслуживанием, снятии запретов на ношение определенных

⁶ Dominicus, T., & Hielkema, D. (2022, June 25). *Partijvoorzitter Bij1 Jursica Mills stapt op vanwege 'toxische partijcultuur': 'Veel mensen zijn niet integer. Het Patrool*. Retrieved 15 November, 2024, from <https://www.patrool.nl/nederland/partijvoorzitter-bij1-jursica-mills-stapt-op-vanwege-toxische-partijcultuur-veel-mensen-zijn-niet-integer~b0ddbde0/>

видов одежды, продвижению религиозных институтов и практик в медицину, в вооруженные силы и т. п.

В контексте рассматриваемой проблемы важно дать оценку ориентации новых политических партий как политических органов соответствующих сообществ с точки зрения ориентации их повесток в пространственной структуре мировой политики. В данном ключе обращает на себя внимание не только ориентация их программ на радикальное равенство, борьбу с дискриминацией или продвижение позитивной дискриминации диаспоральных меньшинств внутри соответствующего государства. Примечательным компонентом становится их способность к трансграничным альянсам с организациями с дружественной повесткой, что потенциально создает контуры будущего «интернационала», продвигающего общую повестку сразу во многих юрисдикциях. Также заметны ориентации на альянсы с надгосударственными институтами и организациями. В частности, особое место в политических платформах европейских диаспоральных партий отведено продвижению международного правосудия и обеспечению его действенности в правовых пространствах государств их присутствия. Подобная ориентация вносит свой вклад в реорганизацию политического пространства с перспективой субординации государственности по отношению к новым принципам структурирования (Панкевич, 2023).

Принципиально важна и ориентация диаспоральных политических проектов на политические повестки материнских государств или сообществ, а также реципрокные отношения с их правительственными центрами. Наглядным свидетельством такой связи стало разрешение партии DENK вести агитацию в мечетях, находящихся под патронажем турецкого государственного агентства *Diyanet*. Предсказуемо, особые связи с турецким правительством вызывают критику партии как части мягкой силы, которая позволяет продвигать турецкие интересы через институционализированные в местных политических контекстах каналы влияния.

Взаимовыгодный характер отношений материнских политий и диаспор сегодня ведет к выравниванию их коммуникационных позиций и в значительной мере предполагают равенство или, как минимум, эквивалентность их обменов. В своей основе эта симметрия основана на экономическом вкладе диаспоры в благосостояние материнских государств. Но если ранее этот вклад представлял собой преимущественно поток, реципиентом которого был частный сектор (семьи, домохозяйства, конкретные предприятия), то сегодня вклад диаспоры приобретает ассоциированные непосредственно с правительственным центром формы. Наиболее продвинутые формы подобных режимов включают адаптацию бюджетных систем к получению возвратных денежных потоков со стороны мигрантов. Например, в Мексике вся система социальных расходов учитывает и распределяет между уровнями управления поступления коллективных денежных переводов со стороны мигрантских сообществ⁷. В этом качестве такая поддержка напрямую увязана с одобрением зарубежной диаспорой актуального политического режима в государстве исхода и обменивается на возможность

⁷ International Organization for Migration (IOM). *Program 3x1 for Migrants*. Retrieved 15 November, 2024, from <https://micicinitiative.iom.int/program-3x1-migrants-1>

сохранения гражданства и полноправия, трансграничное участие в выборах, включая формирование зарубежных избирательных округов, представители которых занимают места в национальных парламентах. К этому же типу обменов следует отнести формирование особых правовых статусов для соотечественников, утративших гражданство страны исхода и для их потомков.

В результате, диаспоральное сообщество оказывается субъектом, который оказывает трансформирующее влияние не только на принимающее, но и на материнское государство. Причем контринтуитивно для материнских политий вызов экстратерриториальных сегментов имеет еще более фундаментальный характер. В условиях миграционного оттока и одновременно сохранения прочных экономических и культурных связей зарубежных контингентов с материнским государством, принципы принадлежности, членства, участия и сама идея государственного суверенитета, который привязан к границам государства, приходят в противоречие, составляя «конституционную дилемму политического самоопределения» (Benhabib, 2004). Набирающий силу процесс «освобождения социальных и политических отношений от их локально-территориальных оснований» (Бирюков и др., 2021, р. 201) приводит к необходимости перенастройки системы корреспонденции и коммуникации властного центра, привязанного к определенной территории, и социума, который стремительно эмансипируется по отношению к нему. Но при этом требует государственной защиты и покровительства и потенциально является ключевым союзником в продвижении национальных интересов за рубежом.

Диаспоральные включения в российской перспективе

Обозначенная проблема приобретает особую значимость для нашей страны. Уникальность российской ситуации заключается в многообразии значимых для российского государства и социума трансграничных сообществ. Россия является одним из крупнейших пунктов назначения миграционных потоков прежде всего из бывших союзных республик, который создает внутри страны многомиллионный контингент иностранного происхождения⁸. С учетом того, что потенциал общности, созданный в советский период, для данной группы фактически исчерпан, миграционный приток становится одним из факторов роста социальной напряженности. Укрупнение мигрантских сообществ привлекает внимание общественности к проблемам языковой, религиозной, культурной и бытовой инаковости приезжих, завозной этнически окрашенной преступности, проблемам санитарно-эпидемиологического характера, которые сопутствуют миграциям из неблагополучных регионов. К этому списку добавляются растущая нагрузка на рынок труда, транспортную систему, жилищный сектор, социальное обслуживание, медицинский и образовательный сегменты, необходимость отвлечения общественных ресурсов на формирование структур по коммуникации с приезжими и их адаптации к местным условиям и нормам.

⁸ Меликов, В. (2024, 18 мая). МВД впервые озвучило число мигрантов в РФ: сколько их, статистика. *News.ru*. Взято 15 ноября 2024, с <https://news.ru/society/mvd-vpervye-ozvuchilo-cifry-skolko-migrantov-zhivet-v-rossii-statistika/>

Предсказуемо критическое отношение к ориентации части мигрантов на доступ к социальным благам принимающего сообщества, которая в глазах коренного населения не является легитимной в свете того, что достигнутый сообществом уровень благосостояния является результатом направленных усилий многих поколений. В глазах общественного мнения, отсутствие собственного места указанных групп в истории развития сообщества превращает мигрантские группы в нетто-получателей социального блага безотносительно актуального вклада в экономику. В этом случае трудовая полезность, как и гуманитарные причины прибытия, теряют свою обосновывающую силу для объяснения необходимости пребывания мигрантов в пространстве политики.

Крупнейшим фактором напряженности становятся также стратегии территориализации мигрантских сообществ, которые зримо меняют социальный ландшафт конкретных городских районов или целых населенных пунктов, порождая в массовом сознании страхи о «замещении населения» или «захвате территории». В условиях СВО распространение подобных идей прямо влияет на мобилизационный потенциал страны.

Накопление подобных деформаций прямо ведет к негативным политическим мобилизациям населения как на местном уровне, где происходит реальное взаимодействие коренных и приезжих, так и в масштабе всего общества. Последнее склоняет симпатии части граждан в пользу политических повесток, ориентированных на защиту коренной идентичности сообщества в противостоянии «угрозам», ассоциированным с притоком новых поселенцев. Такое развитие негативно в том смысле, что противоречит важным идейным компонентам в самопонимании российского общества как толерантного, открытого, способного к продуктивному диалогу и синтезу различных культур.

При этом российская ситуация во многом уникальна в связи с тем, что временно она является материнским государством для крупных контингентов соотечественников, в том числе оказавшихся за рубежом в результате распада советского государства. Разделенность глобальной российской общности формирует протяженные системы семейных связей, сетевых взаимодействий, обменов и коммуникации, действующих «поверх», «помимо» и «сквозь» территориальных лимитов вовлеченных государств. Все это вызывает необходимость прожектирования российского влияния в пространствах за пределами границ политики.

Таким образом, наша страна вписана в представительный глобальный тренд и сталкивается с характерными проблемами, которые наблюдаются в большинстве стран, испытывающих миграционное давление или сохраняющих прочные связи с зарубежными соотечественниками. В силу достаточно позднего включения в мировой миграционный поток Российская Федерация как принимающее государство в настоящее время находится в достаточно благоприятном положении. Несмотря на то, что накопление миграционных контингентов уже становится фактором роста социальной напряженности, но его все еще можно держать под контролем методами секьюритизации пространства, ограничительной въездной политике и контролем над мигрантами в течение их пребывания. Позитивным фактором является и то, что существующее законодательство устанавливает прямой запрет на формирование политических организаций этнического или религиозного профиля, что существенно сокращает возможность политическо-

го маневра для подобных групп, хотя и не пресекает иные каналы их влияния и вхождения в политический процесс, сохраняя возможности коммуникации.

В то же время, необходимо понимать, что накопление диаспоральных включений и постепенное приобретение их участниками политического полноправия сегодня практически неизбежно. В настоящее время способность диаспоральных сообществ к приобретению полновесной политической субъектности во многих случаях превышает способность принимающих сообществ к их интеграции и инклюзии. В этом процессе возникает зримый конфликт между правовым статусом гражданина и практической вовлеченностью в реализацию политических интересов субъекта, фактически замещающего государство. Приобретение политического равноправия статуса гражданства не коррелирует однозначно с интериоризацией ценностей и культуры принимающих сообществ ни для мигрантских сообществ, ни для сообществ соотечественников, оказавшихся за рубежом в результате геополитических потрясений.

Поэтому ограничительная практика может решить вопрос смягчения процесса адаптации, дать обществу шанс на успешную интеграцию некоторой части мигрантов. Но окончательным решением данные меры стать не способны. Поэтому практическим выводом из этой ситуации может стать развитие законодательства о гражданстве в части его приобретения иностранцами в сторону меньшей доступности, а также расширения оснований для лишения новых граждан этого статуса при различных нарушениях или проступках. Также вполне функциональным методом контроля над увеличением гражданской массы диаспоры является привлечение коренного населения к вынесению решений о приеме в гражданство в форме поручительства, рекомендаций и свидетельств о благонадежности (Hainmueller, Hangartner, 2019).

Заключение

Диаспоральные сообщества сегодня становятся субъектом, который компретирует регулярный характер политической системы как производной от функционирования государств. Их влияние имеет многоуровневый характер и потенциально способствует формированию новых организационных ландшафтов, в которых осуществляется политический процесс. С точки зрения трансформационных импульсов в отношении международной системы, активность диаспоральных создает устойчивые локусы сопряжения, где взаимодействие государств обязательно, но опосредуется самоинтересованным актором, обменивающим свою полезность на определенные блага и привилегии. В этом развитии постепенно вырисовываются некие контуры возможных будущих конфигураций и нетрадиционных сопряжений государств: Германия – Турция, Франция – Северная Африка, Канада – Украина, США – Мексика, связанные помимо правительственных центров и безотносительно крупных конфликтов, и противостояний между ними. Приобретение и сохранение политического полноправия диаспоральными сообществами делает эти связи принудительными, что требует учета как в построении государственной внешней политики, так и защите внутреннего пространства от возможного внешнего воздействия. Очевидно, что решение «конституционной дилеммы политического самоопределения» в со-

временных сложных обществах, отличающихся высоким потенциалом социального разнообразия, будет зависеть от поиска нового баланса между государством, территорией, политической принадлежностью и гражданской ответственностью. Все перечисленное составляет интегральные компоненты, в осмыслении которых формируются индентичности как диаспоральных, так и принимающих и материнских сообществ, взаимодействие которых определит одно из ключевых направлений развития мировой политической системы в будущем.

Список литературы

1. Артеев, С. (2020). Транснациональные политические пространства: вопросы политической субъектности. Финно-угорский мир. *Вестник Пермского университета. Политология*, 14(1), 5–17. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-5-17>
2. Бирюков, С.В., Чирун, С.Н., Андреев, А.В. (2021). Глобальный публичный порядок и его изменения. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (59), 199–213. <https://doi.org/10.17223/1998863X/59/19>
3. Карсанова, Е.С., Гуршумов, Р.К. (2020). Диаспора как политический ресурс. *Власть*, 28(3), 63–67. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i3.7311>
4. Новиков, К.Е. (2020). Интеграция политиков с иммигрантскими корнями в политическую систему Великобритании. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (3), 181–200. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-98-3-181-200>
5. Панкевич, Н.В. (2023). Международное правосудие: проблема политической субъектности и кризис легитимности. *Дискурс-Пи*, 20(4), 139–161. https://doi.org/doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_139
6. Семененко, И.С., Лапкин, В.В., Пантин, И.В. (2021). Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. *Полис. Политические исследования*, (5), 56–77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>
7. Åkesson, L., & Maybritt Alpes, J. (2019). What Is a Legitimate Mobility Manager? Juxtaposing Migration Brokers with the EU. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, (14), 2689–2705. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1528100>
8. Benhabib, S. (2004). *The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizen*. New York: Cambridge University Press.
9. Duquette-Rury, L. (2020). *Exit and Voice. The Paradox of Cross-Border Politics in Mexico*. California: University of California Press.
10. Fernández, E., & Abbate, T. (2018). Switzerland: Vulnerable Groups and Multiple Solidarities in a Composite State. In V. Federico, & Ch. Lahusen (Eds.) *Solidarity as a Public Virtue? Law and Public Policies in the European Union*. (pp. 421–467). Nomos Verlagsgesellschaft mbH.
11. Hainmueller, J., & Hangartner, D. (2019) Does Direct Democracy Hurt Immigrant Minorities? Evidence from Naturalization Decisions in Switzerland. *American Journal of Political Science*, 63(3), 530–547. <https://doi.org/10.1111/ajps.12433>

12. Just, A., & Anderson, Ch. J. (2012). Immigrants, Citizenship and Political Action in Europe. *British Journal of Political Science*, (42), 481–509. <https://doi.org/10.1017/S0007123411000378>
13. Reece, J., & Johnson C., (2016). Border Militarisation and the Re-articulation of Sovereignty. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 41(2), 187–200.
14. Smith, K., & Waite, L., (2019). New and Enduring Narratives of Vulnerability: Rethinking Stories about the Figure of the Refugee. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45(13), 2289–2307. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1496816>
15. Tillie, J.N., Fennema, M., & Heelsum, A. van (2000). *De Etnische Stem. Opkomst en stemgedrag van migranten tijdens de gemeenteraadsverkiezingen 1986–1998*. Utrecht: Forum, 2000.
16. Weil, P. (2010). Access to Citizenship: A Comparison of Twenty Five Nationality Laws. In A. T. Aleinikoff, & D. Klusmeyer (Eds.) *Citizenship Today: Global Perspectives and Practices* (pp. 17–35). Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. <https://doi.org/10.2307/j.ctt6wpgk2.7>

References

1. Åkesson, L., & Maybritt Alpes, J. (2019). What Is a Legitimate Mobility Manager? Juxtaposing Migration Brokers with the EU. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, (14), 2689–2705. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1528100>
2. Arteev, S. (2020). Transnatsional'nye politicheskije prostranstva: voprosy politicheskoy sub"ektnosti. Finno-ugorskiy mir [Transnational Political Spaces: the Problem of Political Agency. The Finno-Ugric World]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 14(1), 5–17. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-5-17>
3. Benhabib, S. (2004). *The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizen*. New York: Cambridge University Press.
4. Biryukov, S. V., Chirun, S. N., & Andreev, A. V. (2021). Global'nyy publichnyy poryadok i ego izmeneniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Global Public Order and its Changes]. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (59), 199–213. <https://doi.org/10.17223/1998863Kh/59/19>
5. Duquette-Rury, L. (2020). *Exit and Voice. The Paradox of Cross-Border Politics in Mexico*. California: University of California Press.
6. Fernández, E., & Abbiate, T. (2018). Switzerland: Vulnerable Groups and Multiple Solidarities in a Composite State. In V. Federico, & Ch. Lahusen (Eds.) *Solidarity as a Public Virtue? Law and Public Policies in the European Union* (pp. 421–467). Nomos Verlagsgesellschaft mbH.
7. Hainmueller, J., & Hangartner, D. (2019) Does Direct Democracy Hurt Immigrant Minorities? Evidence from Naturalization Decisions in Switzerland. *American Journal of Political Science*, 63(3), 530–547. <https://doi.org/10.1111/ajps.12433>
8. Just, A., & Anderson, Ch. J. (2012). Immigrants, Citizenship and Political Action in Europe. *British Journal of Political Science*, (42), 481–509. <https://doi.org/10.1017/S0007123411000378>
9. Karsanova, E. S., & Gurshumov, R. K. (2020). Diaspora kak politicheskii

resurs [Diaspora as the Political Resource]. *Vlast'*, 28(3), 63–67. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i3.7311>

10. Novikov, K. E. (2020). Integratsiya politikov s immigrantskimi kornyami v politicheskuyu sistemu Velikobritanii [Integration of Politicians with Immigrant Roots in to Political System of Great Britain]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, (3), 181–200. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-98-3-181-200>

11. Pankevich, N. V. (2023). Mezhdunarodnoe pravosudie: problema politicheskoy sub"ektnosti i krizis legitimnosti [International Justice: the Problem of Political Actorness and the Crisis of Legitimacy]. *Diskurs-Pi*, 20(4), 139–161. https://doi.org/doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_13

12. Reece, J., & Johnson, C. (2016). Border Militarisation and the Re-articulation of Sovereignty. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 41(2), 187–200.

13. Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., & Pantin, I. V. (2021). Sotsial'nye razmezhevaniya i politicheskie protivostoyaniya v nauchnom diskurse: kriterii otsenki i klassifikatsii [Social Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 56–77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>

14. Smith, K., & Waite, L. (2019). New and Enduring Narratives of Vulnerability: Rethinking Stories about the Figure of the Refugee. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45(13), 2289–2307. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1496816>

15. Tillie, J. N., Fennema, M., & Heelsum, A. van (2000). *De Etnische Stem. Opkomst en stemgedrag van migranten tijdens de gemeenteraadsverkiezingen 1986–1998*. Utrecht: Forum, 2000.

16. Weil, P. (2010). Access to Citizenship: A Comparison of Twenty Five Nationality Laws. In A. T. Aleinikoff, & D. Klusmeyer (Eds.) *Citizenship Today: Global Perspectives and Practices* (pp. 17–35). Washington, D. C.: Carnegie Endowment for International Peace. <https://doi.org/10.2307/j.ctt6wpkc2.7>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Панкевич, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-1754>, e-mail: n.pankevich@yandex.ru

Information about the author

Natalia Vladimirovna Pankevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-1754>, e-mail: n.pankevich@yandex.ru
